

ТРАГИЧЕСКИЙ ПОЕДИНОК

«Живой труп» Л. Толстого в театре «Ромэн»

КОГДА покидаешь Дворец культуры имени Ленсовета, где гастролирует единственный в мире цыганский театр, приходишь на ум немислимое, фантастическое предположение, будто Лев Толстой написал свой «Живой труп» именно для «Ромэна».

«Лишний человек» Федор Протасов, не вписавшийся в салоны и приемные, здесь преобладает в единстве, нерасторжимом со скитальцами-цыганами. Кажется, будто и не был он чужим для них барином, а вырос и умер в таборе. Все это его: песни, исполненные танцевальности, степь, отсвет цыганских костюмов, смуглые лица с горящими очами.

В то же время, если я скажу, что поставлен «цыганский спектакль», то поступлю опрометчиво. Да, хороши таборные песни, согревает их огонь и шепчущая грусть в «Не вечерней», но вот парадокс: здесь нет цыганской экзотики, привычных эффектов, толкование цыганской темы здесь целомудренно и сдержанно. И табор — не табор, а векный символ людской солидарности. И песня как горестный вздох измученной души, страждущей воли. И хор — не только хор, но стихия народная, в нем

слетаются голоса надежды на лучший мир, вольный, готовый принять в себя отторгнутого чуждым обществом, но возвысившегося нравственно Федора.

Такова уж сила искусства, вскрывающего за видимостью невидимую суть.

...В холодноватом, безжизненном пространстве высится симметричная конструкция из черных лестниц и площадок, в контурах своих напоминающая парадную залу в дворянском особняке. Над планшетом сценично вращается железный обруч, огромная люстра, словно колющая. А под ним — штыпоренные во фраки и серые платья люди: словно заколдованный аристократ Каренин (В. Страшицкий), рассудочно выясняющие «отношения» мать Лизы (Л. Ярошенко), мать Каренина (Т. Агамирова) и князь Обрезков (Я. Яковлев). Все они одиноки и не способны, вопреки осторожным своим волнениям, наполнить жизнь подлинными чувствами.

Но так до поры, пока сцена не наполняется звонкими голосами цыган, красотой красок. Тогда все оживает. Железный круг над сценой уже не кажется равнодушным и безучаст-

ным, он словно браслет на руке пляшущей пыганки.

И вот мы замечаем среди живописной толпы горестно склонившегося у стола Федю. Обыкновенный, даже малоприметный совсем «не герой», с измученным бледным лицом и тихим голосом, с беззащитной и радимой душой. В какой-то томительной робости живет, страдает, вырывая с болью признания из сердца. Нет, это не тот Николай Сличенко, к которому мы привыкли. Сличенко-актер здесь жертвует знакомым образом певца Сличенко. В роли Протасова выступали гениальные артисты. И сегодня играют именитые — Ю. Соломин, А. Калыгин, Л. Марков. Но Николай Сличенко — Федор здесь по-особому близок к цыганам. Что тут говорить? Не случайно книга, написанная Сличенко, так и называется «Родился я в таборе».

Подобно тому, как его Федор уважительно вслушивается, всматривается в людей, Сличенко-режиссер с той же степенью сосредоточенности проникает в образы Толстого, открывая дарования своих артистов. Так возникает пленительный образ Маши, созданный Р. Демент.

Словно две родные души соприкоснулись. Здесь Федор не одинок. Здесь Маша — его вечный спутник и отчаянная надежда.

В сцене «у цыган» Маша — Демент, не желая обидеть Федю, застенчиво отстраняется от его прикосновения. Ее плечо, рука, ладонь как бы «отворачиваются» в одном пластическом движении. И он отходит. Но Маша посылает вслед такой горячий взгляд, что Федор останавливается, резко оборачивается. Красноречиво их молчание: две птицы в полете — под прицелом судьбы. Они вместе вступили в неравную схватку с узаконенной несправедливостью.

Есть в этом несправедном мире и свои понятия о чести, порядочности.

И. Морозова очень тонко и глубоко играет Лизу, жену Федю, которой невозможно не сочувствовать. И ее сестре Саше, чистотой и искренностью своей напоминающей слабый отзвук Маши, только «светской» Маши, той, что тоже может переживать за Протасова, но переступить законов своего круга не способна (Т. Репина), тоже сочувствуешь.

Федя завораживает собой

других. И люди дна, и люди света, и слуги закона чувствуют в нем силу.

Вступив в трагический поединок с адской машиной фарисейского правосудия, Протасов оказывается перед лицом неминуемой гибели. Но иного пути нет. Прыча револьвер перед выстрелом, он еще полон сомнений, терзаний души, таким и умирает, стреляя в себя. И тут следует финал, которого в пьесе нет. Только в черновиках затерялось слово умирающего — «несите». И оно «переводится» театром зримо в совершенную и очень сильную, романтическую мизансцену, шагале как бы возносится на руках мертвого Протасова с запрокинутой головой. Каренин и Лиза, страхилов оцепенение, пытаются приблизиться к прощенью, но путь им отрезает гордым жестом рук Маши.

Федор лишь однажды преодолел в себе «не героя», когда незнакомо громким голосом бросил мятежный вызов следователю: «Стыдно!» Стыдно так жить. Душа его озаряется и болью, и яростью бунтаря, обреченного. В этом поединке лжив и истинной жизни герой гибнет. Но истина остается.

Гастроли театра «Ромэн» познакомили нас не только с традиционным своим искусством, но и своеобразным глубоким прочтением произведения Л. Толстого.

Ю. СМЕРНОВ-НЕСВИЦКИЙ,
доктор искусствоведения

а. Смирнов-Несвицкий, 1988-4 окт.